

СИМВОЛИКА ОДНОГО ИЗ ТИПОВ КНЯЖЕСКИХ МЕЧЕЙ.

(Иконографическая схема "Один и вороны").

Самой редкой и в связи с этим привлекающей особое внимание исследователей категорией предметов вооружения европейского ранне-средневекового населения является меч. В современной археологической науке прочно утвердилось мнение о том, что "развитие феодальной организации выдвинуло меч в качестве важнейшего военного и государственного символа...", воплощавшего власть князя. /1, с. 59/. Типология и хронология мечей интересующего нас региона исчерпывающе разработана Я. Петерсеном /2/ и А.Н. Кирпичниковым. /1/. Найдены убедительные доказательства тому, что импортировавшиеся с низовой р. Рейна клинки снабжались навершиями и перекрестиями работы местных мастеров, в том числе -- балтов. /3, с. 300/. В связи с этим можно предположить, что орнамент рукоятей мечей мог нести семантику местного происхождения, призванную отражать социальный статус владельцев этого редкого и дорогостоящего оружия. Данному вопросу, до сих пор не освещавшемуся в археологической литературе, посвящена настоящая работа. /4, с. 18-20/.

Толчком для проведения данного исследования явился анализ декора меча типа S (по Я. Петерсену и А.Н. Кирпичникову), случайно обнаруженного в 1950-х гг. у с. Блистова Черниговской обл. на Украине. /5, с. 32/. Навершие меча украшено симметрично расположенными стилизованными головками воронов, между которыми помещена плетёная фигура /рис. I, 10/. Данная орнаментальная схема в древностях Восточной Европы редка и на примере кресал Прикамья конца IX -- начала XI вв. сопоставляется с изображением верховного бога скандинавского пантеона Одина с воронами Хугин и Мунин. Автор интерпретации Г.Ф. Корзухина отмечала, что мастера кресал основное внимание уделяли изображению воронов. /6, с. 137/. Эта же особенность заметна и на мече из Блистовы^х.

Наиболее раннее изображение Одина и воронов, согласно скандинавской традиции, приносивших своему владыке сведения о том, "что творится на свете", /7, с. 59/ относится к древностям франков второй половины V в. н.э. Учитывая мнение Г.Ф. Корзухиной о кресалах Прикамья, можно с уверенностью утверждать, что выполненное в общегерманском зверином стиле погрудное изображение

человека с направленными вниз головками хищных птиц по бокам на обоймице пряжки из Эправе /8, с. 184, рис. 88/ (рис. I, 1) соответствует "Богу воронов" -- Одину (Водану). Более развернуто эта иконографическая схема представлена на обоймице пряжки из Окер /9, с. 133/ (рис. I, 2). Здесь божество сопровождают животные, символизирующие все подвластные ему стихии мироздания -- вороны (небо), кабаны (земля), змеи (подземный мир, вода). На характер исследуемой схемы проливает деталь "франкской шкатулки" из Нортумберленда /10, с. 4/ (рис. I, 3). Эта сцена воспроизводит отрывок из "Саги об Эгиля", посвященный описанию нападения врагов на жилище Эгиля. Англо-саксонские мастера, изготовившие "шкатулку", были знакомы с традициями позднеантичного искусства и в глубине жилища Эгиля изобразили целлу (альков) -- обычное в раннем средневековье местопребывание христианских святых (икон, скульптур). Правда, в данном случае целла содержит не христианскую икону, а поясное изображение одетого в плащ мужчины с копьем в руке. Как и на пряжке из Окер, мужская фигура (Один) здесь сопровождается животными трех сфер мироздания (вороны, волки, змеи). Идентификация фигуры с Одним подтверждается представленными здесь его атрибутами (копье, плащ).

Таким образом, на позднем этапе существования общегерманских языческих представлений вырабатывается устойчивая иконография верховного бога -- Водана-Одина. Охарактеризованную выше изобразительную схему -- божество, по краям, головы которого расположены направленные вниз головки воронов, под ногами -- кабаны (волки), с боков -- змеи, можно считать каноническим изображением. Оно полностью отвечает определению канона, выдвинутому А.Ф. Лосевым. "Канон есть количественно-структурная модель художественного произведения такого стиля, который, являясь определенным социально-историческим показателем, интерпретируется как принцип конструирования известного множества произведений". /11, с. 15/. Является общепризнанным факт заимствования древними германцами образа Водана-Одина, как и Донара-Тора, соответствовавших Лугу и Таранису из кельтского пантеона. /12, с. 114/. Следует отметить, что и каноническая схема изображения Водана-Одина находит прототип в кельтской иконографии Луга. /13, с. 143/.

Время создания англо-саксонскими мастерами "шкатулки" из Нортумберленда -- начало VIII в. -- знаменует конец общегерманского язычества. Под ударами христианства -- единой религии первых "варварских" королевств -- язычество на Западе европейского материка было сокрушено. К этому времени канон Одина нашел отражение в декоре оружия франков. Навершие мечей несли изображение божества, к которому головки воронов были обращены тыльными сторонами (вариант I), наконечники ножен мечей сопровождались фигуркой Одина с прижатыми к ушам клювами птиц (вариант 2) /рис. I, 5, 4/. Существование канона в двух вариантах связано прежде всего с общими очертаниями конкретных предметов сугубо функционального назначения (навершие и наконечник), на которых помещались изображения. Оба этих варианта представлены и в декоративном искусстве Скандинавии вендельской эпохи и времени викингов (рис. I, 6, 7, 8). Как мы видим на примере декора круглой фибулы из Мортен (о. Готланд) /I4, табл. 85/ в позднем IX в. Один стал изображаться обнимающим воронов за шеи. Эта характерная особенность канонического варианта 2 отображена не только на круглых подвесках севера и востока Европы /6, с. 138/, но и на наконечниках ножен мечей X в. Количество их крайне невелико (рис. I, II--I3). Эти предметы не вычленились из остального массива наконечников, изготовленных в стиле Борре. Рисунок трактовался как изображение маски человека в обрамлении орнамента /I5, с. 267; I6, с. 243; I7, рис. 339/. На самом деле при детальном рассмотрении данных трех наконечников оказывается, что на них, как и на круглых подвесках, показано поясное изображение усатого мужчины, обнимающего за шеи двух хищных птиц, клювы которых подняты над его ушами. По средней горизонтальной оси наконечников четко видны руки мужчины, изображенные тремя полосками. На наконечнике из "Игоровой могилы" детализированы даже пальцы его левой руки (рис. I, II). Торс мужчины обозначен, как и на подвесках, двумя вертикальными полосами, составленными из коротких горизонтальных отрезков. Совпадение даже в мельчайших деталях изображений на круглых подвесках и наконечниках ножен позволяет с уверенностью утверждать, что как на первых, так и на вторых предметах представлен Один (вариант 2 канона).

Изображения варианта I после хронологического перерыва снова становятся известны на навершиях мечей. Группа предметов с подобными изображениями встречена в основном в Прибалтике.

Однако наиболее роскошные по исполнению и сохранности мечи со схемой "Один и вороны" известны из Восточной Европы (рис. 1, 10). Как на кресалах Прикамья, так и на мечах (причем начиная с УП в.), внимание мастеров фокусируется прежде всего на головках воронов. /18, с. 325, 326/. Фигурка Одина превращается в узкую плетеную конструкцию. Исполненные сначала во II общегерманском зверином стиле, а затем в стиле Еллинг, завершая мечей ввиду своей специфической трапециевидной или трехчастной формы не позволяли одинаково подробно изображать всех трех персонажей композиции. Возможно, средневековые мастера считали вполне приемлемым отображать образ Одина посредством плетеной фигуры. Выполнявшийся в таком стиле треугольник уже с начала УШ в. являлся символом культа верховного божества у скандинавов (рис. 1, 3).

Итак, на примере декоративного искусства племен севера Европы прослежено на протяжении V--XI вв. развитие канонического изображения верховного божества общегерманского языческого пантеона -- Одина. Проникновение этого канона на заключительном этапе своего существования в Восточную Европу, в балтский и славянский ареалы представляет значительный интерес. Раннее средневековье знаменовалось на данной территории ломкой родовых отношений и созданием полиэтнической дружины. Одним из внешних признаков завершения процесса образования такой дружины является создание декоративного стиля, включающего разнородные по происхождению изобразительные традиции. /19, с. 305/. Работавшие в подобном стиле мастера предназначали свою продукцию разнородным представителям дружинной прослойки, сплоченным этой дружиной, но полностью порвавшим с родовыми традициями и вышедшим из родовой общины. Традиционный родовой орнамент -- оберег для них уже не имел сакрального значения в новой ситуации.

Исходя из этого положения, не вызывает удивления факт использования в финно-угорской среде на цепедержателях конструктивных принципов композиции "Один и вороны", уже осуществленной на кресалах (рис. 2, 1). Парные изображения животных на этих изделиях в принципе восходят еще ко времени контактов ананьинской и сарматской культур. Правда, воронов здесь заменили в соответствии, видимо, с местными культовыми традициями, кони (рис. 2, 3). Существенно, что контаминация изображений осуще-

ставлялась и между огнивами II группы (по Л.А. Голубевой) и цепедержателями с конскими головами IX в. /20, рис. 2, 4/. Такое использование одних и тех же композиций связано, видимо, с изготовлением украшений для населения Прикамья мастерами Волжской Булгарии. /21, с. 44/. Поступление в Скандинавию единичных украшений финно-угорского происхождения вызвало обратный эффект. Там появляются местные подражания цепедержателям с человеческой фигуркой между конями. /22, с. 160/. Это показывает, что скандинавам был близок сюжет "божество и пара животных", который они воспринимали как родственный канону "Один и вороны".

Сложение общих для всего Балтийского культурно-экономического сообщества элементов декоративного искусства отражено на примере накладок из погр. 16 могильника Ирзекапинис (рис. 2, 1). Сохраняя композиционную схему вендельского времени (рис. 1, 6), уходящую корнями в древнейшие пласты скандинавской семантики /23, рис. 15, 16/, найденные в земле пруссов накладки несут и черты искусства финно-угров. Расположенная в центре композиции человеческая фигура по бокам имеет две направленные вверх конские головы. Полностью соответствует схеме цепедержателей Прикамья обоймица стремени из погр. 1 могильника Ирзекапинис (рис. 2, 2). Правда, человеческая голова здесь не выступает над корпусами коней, а оформлена в их пределах серебряной икрустацией. Четко обозначены ассиметричные глаза (Один -- одноглаз) и согнутые в локтях руки. Наконец, в западнобалтской среде перерабатывается и упоминавшийся выше вариант 2 канона изображения Одина на наконечниках ножен мечей. Находки на могильниках Ирзекапинис и Жасинас (рис. 2, 5, 6) представляют нам стилизованную фигуру мужчины с согнутыми руками. Под локтями у него пропущены головки драконов, пастями (как и вороны клювами) направленными к ушам мужской фигуры. Обожествление пресмыкающихся у древних балтов общеизвестно. /24, с. 51--54/. Сходное изображение известно и на подвеске из Бирки. /25, табл. 42, 6/. Поясное изображение мужчины с опертыми в бедра руками, по сторонам которого показаны в беге два зайца, представлено на перекрестье меча из Даугмале (Латвия). /26, с. 31/. Заяц также считался у балтов священным животным. /27, с. 77/.

В завершение сюжета о балтских и финно-угорских репликах схемы "Один и вороны" перечислим животных, ставших заменой птиц в этой схеме: кони, змеи (драконы), зайцы. Только змеи

среди них не отличаются, казалось бы значительной скоростью передвижения. Правда, их способность двигаться как в воде, так и по суку, несомненно, была отмечена жителями берегов Балтики. Таким образом, заменяя воронов на более привычных местным сакральным традициям животных, балтские и финские мастера, тем не менее, отводили им роль таких же вестников божества, как и скандинавы -- воронам. Так что замена бестиария в местных репликах канона "Один и вороны" не меняла принципиально схемы изображения верховного бога и его вездесущих посланников.

Теперь надлежит обратиться к центральной фигуре анализируемой композиции -- фигуре Водана-Одина. На раннем, франкском этапе существования канона (середина У -- начало УШ вв.) Один изображался как в виде мужского торса, так и (на навершиях мечей и на наконечниках их ножен) только в виде головы. В обоих случаях Один предстает перед нами бородатым мужчиной не моложе 40--45 лет. На позднем, балтийском этапе каноническим является изображение верхней части корпуса Одина, от бедер. На навершии меча из Парско (рис. 1, 8) видна складчатая в нижней части рубаха (кафтан), представленная подобным образом на металлических "идолах" западных славян /28, табл. 60/ и жителей Новгорода Великого /29, рис. 60, 203/ XI--XII вв. На выполненных в стиле Борре наконечниках ножен мечей, круглых подвесках и кресалах Прикамья торс Одина покрывают горизонтальные короткие полосы. Согласно реконструкции Б. Альмгрена, основанной на материалах могильника Бирки (погребения 581 и 644), кафтаны варягов Восточной Европы украшали именно такие короткие горизонтальные позументы. /30/.

На балтийском этапе существования канона Одина божество изображается, за исключением двух вторичных наконечников ножен мечей (рис. 2, 5, 6), в виде верхней части торса мужчины, от бедер до макушки. Это не будет казаться странным, если учесть, что основная часть дошедших до нас объемных фигурок Тора и Фрейра (кроме изображения сидящего на троне Тора из Эйрарфьодур, Исландия) представляет богов сидящими со сложенными горизонтально ногами. /31, с. 87, рис. 1, 2/. Согласно описания единого для всей Скандинавии храма в Уппсале, оставленного Адамом Бременским, находившиеся там изваяния языческих богов представляли собой скульптуры сидящих мужчин. /32, с. 103 104/.

Таким образом, можно предположить, что скульптура Одина в общескандинавском святилище была основой канонического плоскостного изображения. При фронтальном ракурсе поджатые ноги идола были не видны, что привело к изображению на деталях вооружения и иных предметах только верхней части фигуры Одина. В этом свете становится понятной истинная причина нахождения общеизвестной скульптуры Будды IX в. на святилище Хельгё. Поза Будды (падмасана) не многим отличалась от позы скандинавских богов. Возможно, эта статуэтка по данной причине и была помещена скандинавами в святилище рядом с изваяниями отеческих богов.

На раннем, франкском этапе существования канона Водана его плоскостной вариант, возможно, также копировал объемную скульптуру, находившуюся в общегерманских святилищах в Хлейдре и Одензе. /33, с. 206, 209/. Нет противопоказаний тому, что поза статуи Водана-Одина в святилище первой половины I тыс. н.э. не отличалась от позы Одина в Уппсале. Выше уже говорилось о преемственности германского и кельтского пантеонов и иконографии. В галльском святилище III--II вв. до н.э. в Рокепертузе, боги и герои также изваяны сидящими со скрещенными ногами. /34, рис. 52, 53/.

Семантическое значение малочисленных и выполненных в основном в дорогостоящих материалах и технике канонических изображений Одина представляется ясным. Являвшийся легендарным предком многих династий конунгов Скандинавии Один -- не только верховный бог языческого пантеона, но и покровитель братства избранных воинов -- дружины и ее вождя. Всеведение бога, отраженное в исследуемом каноне через изображение вестников Одина -- всезнающих воронов -- помогает ему магическими действиями даровать в битве победу. Один -- верховный вождь-жрец; конунги и князья севера и востока Европы осмыслились его земными ипостасями. /35, с. 144/.

Это объясняет не только семантическую, но и социальную сущность предметов, несущих изображение канона Одина. Среди них на балтийском этапе существования канона преобладает парадное оружие, которое, как представляется, принадлежало князьям. Согласно приведенной выше характеристике Одина, как княжеского патрона, его земное воплощение -- военачальник должен был совмещать как воинские, так и жреческие функции. Как показывают

современные исследования, такое соединение власти в одних руках соответствует родовому обществу периода военной демократии, на пороге и на первых этапах создания государственности. /36, с. 210, 211/. Отметим, что во франкский период канон Одина на оружии встречен в земле франков накануне образования государства Меровингов. В балтийский период оба варианта канона известны только на берегах юго-восточной Прибалтики (мечи в могильниках Ирзекапинис и Ржевское, Калининградская обл.; Лайвиай, Литва; Саласпилс и Турайда, Латвия; Луманда и Сааремаа, Эстония) -- местах наибольшей активности дружины в IX--XI вв. Отдельные находки в Восточной Европе расположены в целом вдоль "пути из варяг в греки" (наконечники ножен мечей из могильников Ирзекапинис, Жасинас, Хольме, "Игоровой могилы", Шестовицы, Херсонеса, мечи из Плиснеска и Блισταвы). Выходцы из Прибалтики принимали участие в становлении Древнерусского государства. /37, с. 130/. Новым подтверждением этого являются находки на территории Киевской Руси оружия, орнамент которого был выполнен в соответствии с культовыми представлениями пруссов и куршей. Возможно, его изготавливали здесь (как и продукцию других типов) мастерские южнорусского центра металлообработки /38, с. 44/. Часть дружинников-балтов, возвращаясь после службы в Приднепровье на родину, привезла с собой в Прибалтику, наряду с предметами обихода, и оружие, сделанное по их заказам и в соответствии с их вкусами. /39, с. 216/. Нескандинавский характер этих мечей подтверждается прежде всего тем, что древнесеверные по первоначальному импульсу канонические изображения Одина на оружии в Скандинавии X--XI вв. неизвестны. Этот канон используется там только как часть декора женских украшений /25, табл. 62, 75; 63, 6а; 66; 67/. Как уже отмечалось выше, канон Одина по существу был присущ общественному строю на этапе военной демократии и власти вождей-жрецов. В Скандинавии X--XI вв. этот этап был пройден, шел процесс сложения сначала выборной, а потом и наследственной королевской власти, процесс образования государства. /40, с. 101, 102/.

В конце I тыс. н.э. между скандинавами, балтами и славянами, входившими в Балтийское культурно-экономическое сообщество, происходил интенсивный обмен культурными ценностями. Следствием этого стало не только взаимопроникновение вещей и подражаний им /41, с. 165--180/, но и заимствование определенных мифологи-

ческих традиций. /42, с. 535--537/. В свете этого вполне объяснимо существование в искусстве населения побережья юго-востока Балтики канона Одина в то время, когда в самой Скандинавии данная иконографическая схема отжила свой век, став элементом орнамента. Результатом использования полиэтничных по происхождению декоративных традиций явилось создание образа верховного божества с парой коней. Этот новый для балтов изобразительный сюжет стал у пруссов знаком верховного князя-жреца (криве-кривайтиса). Данные об этом сохранились, видимо, в устной традиции и дошли до нас в описании Симона Грунау (1526 г.). Описывая "щит" легендарного вождя пруссов -- Видевута, родоначальника института криве-кривайтисов, имя которого трактуется как "Вещий" /43, с. 188, 189/, автор сообщает: "Был также щит, на котором представлены два белых коня, между ними -- поясное изображение подобия человека...". Отметим, что одного из первых полулегендарных русских князей -- Олега историческая традиция также называет Вещим, а образ его тесно связан с конем. /44, с. 77/. Единственный исследованный погребальный комплекс, который с большой степенью вероятности мог бы отождествляться с захоронением князя дохристианского периода Руси -- Черная могила в Чернигове -- содержал ряд предметов, дающих основание считать, что погребенный в ней сочетал функции военачальника и верховного жреца. Но в Поднепровье, где найдены наиболее роскошные по исполнению детали княжеских мечей, по мере укрепления государства и вытеснения рудиментов язычества в системе княжеской власти христианской идеологией, которая также обожествляла власть князя, необходимость в присутствии на оружии властителя сакральных языческих элементов скоро отпадает. Родившийся на западе Европы в середине I тыс. н.э. символ князя-жреца, возникая и существуя в социумах, находившихся на последнем этапе существования родового строя, завершает свое бытование в консервативной по своей социальной сущности конфедерации прусских земель. /45, с. 116--117/. Это пережившее свое время административно-политическое образование до самого последнего момента своего существования управлялось князем-жрецом. Последний сложил с себя власть только после длительной борьбы с крестоносцами -- носителями новой, феодальной формации.

ЛИТЕРАТУРА

1. Кирпичников А.Н. Древнерусское оружие. -- Вып. I. -- САМ. -- ЕІ--36. -- Л. 1965.
2. Petersen J. De Yikingesverd. Een typologisk-kronologisk studie over vikingetidens vaaben.-- Kristiania, 1919.
3. Кирпичников А.Н. Мечи куршей // Древности Белоруссии. -- Мн., 1966.
4. Коваленко В.П., Кулаков В.І. Мечі конунгів Скандінавії і князів Русі // П Чернігівська обл. наук. конференція з істор. краєзн. Тези доповідей. -- Вып. II. -- Чернігів, Ніжин, 1988.
5. Вознесенська Г.О., Коваленко В.П., Орлов Р.С. Дослідження літописного Блистовита // Археологія. -- № 48. -- 1984.
6. Корзухина Г.Ф. Об Одинах и креслах Прикамья // Средневековая Русь. -- М., 1976.
7. Младшая Эдда. -- Л., 1970.
8. Böhner K. Die fränkischen Altertümer des Trierer Landes, Germanische Denkmäler der Völkerwanderungszeit.-Serie B,1. Berlin.
9. Wilson D.M. Kulturen in Norden. -- München, 1980.
10. Heath I. The Vikings. -- London, 1985.
11. Лосев А.Ф. О понятии художественного канона // Проблема канона в древнем и средневековом искусстве Азии и Африки. -- М. 1973.
12. Derolez R.L.M. Götter und Mythen der Germanen. -- Einsiedeln-Zürich-Köln, 1963.
13. Schlette F. Kelten zwischen Alesia und Pergamon. -- Leipzig -- Jena -- Berlin, 1976.
14. Graham-Campbell J., Kidd D. The Vikings.-- London, 1980.
15. Колесникова Л.Г. Погребение воина на некрополе Херсонеса // СА. -- 1974. -- № 4.
16. Фехнер М.В. Наконечник ножен меча из кургана близ Коростени // СА. -- 1982. -- № 4.
17. Herrmann J. Rügenlawen, Wilzen und Obodriten // Wikinger und Slawen. -- Berlin, 1982.
18. Menghin A. Das Schwert im Krühen Mittelalter. -- Stuttgart, 1983.

19. Кулаков В.И. Ирзекалинис. Результаты раскопок 1977--1984 годов // Всесоюзная археологическая конференция "Достижения советской археологии в XI пятилетке". -- Баку, 1985.
20. Голубева Л.А. Огнива с бронзовыми рукоятками // СА. -- 1964. -- № 3.
21. Голубева Л.А. Зооморфные украшения финно-угров. -- САИ, вып. Е I-59. -- М., 1979.
22. Klindt-Jensen O., Ehren S. The World of the Vikings. -- London, 1970.
23. Piekarczyk S. Mitologia germaniska. -- Warszawa. 1979.
24. Топоров В.Н. Vilnius, Wilno, Вильна: город и миф // Балто-славянские этноязыковые контакты. -- М., 1980.
25. Arbmán H. Birka I. Die Gräber. -- Uppsala, 1940.
26. 1936. gadā izrakto pieminekļu izstāde. -- Riga, 1936.
27. Brückner A. Starożytna Litwa, Ludy i bogi. -- Olsztyn, 1985.
28. Herrmann J. Die Slawen in Deutschland. -- Berlin, 1985.
29. Древний Новгород. Прикладное искусство и археология. -- М., 1985.
30. Almgren N. The Viking. -- London, 1966.
31. Пушкина Т.А. Бронзовый идол из Черной могилы // Вестник Московского Университета. -- История. -- 1984. -- № 3.
32. Schröber F.-R. Quellenbuch zur germanischen Religionsgeschichte // Trübners Philologische Bibliothek. -- N 14. -- 1933.
33. Janssen H.-L. Die Toten in Brauchtum und Glauben der Germanische Vorzeit, Mitteilungen der Anthropologischen Gesellschaft in Wien. -- LXXII Band. -- H. 1. -- III. -- 1942.
34. Gassowski J. Mitologia Celtów. -- Warszawa, 1978.
35. Домезиль Ж. Верховные боги индоевропейцев. -- М., 1986.
36. Златковская Т.Д. Возникновение государства у фракийцев. -- М., 1977.
37. Кулаков В.И. Прусы и восточные славяне // Тезисы докладов советской делегации на V международном конгрессе славянской археологии. -- М., 1985.
38. Орлов Р.С. Південноруський центр художньої металообробки X ст. // Археологія. -- № 44. -- 1983.
39. Кулаков В.И. Результаты раскопок грунтового могильника у поселка Клиновки в 1977 году // Acta Baltico-Slavica. -- XIII. -- 1980.

40. Ковалевский С.Д. Образование классового общества и государства в Швеции. -- М., 1977.
41. Nerman В. Die Verbindungen zwischen Skandinavien und dem Ostbaltikum in der Jüngeren Eisenzeit. -- Stockholm, 1929.
42. Топоров В.Н. К балто-скандинавским мифологическим связям // *Donum Balticum*. -- Stockholm, 1970.
43. Būga К. Z. Rinktiniai rastai. -- Vilnius, 1958.
44. Simon Grunau's Preussische Chronik. -- Leipzig, 1876. -- Bd. I.
45. Пашуто В.Т. Образование Литовского государства. -- М., 1959.

ПОДПИСИ К ИЛЛЮСТРАЦИЯМ

Рис. 1. Развитие иконографии Одина на украшениях и оружии середины V – середины XI вв.:

1. Обоймица франкской пряжки из Эправе (Бельгия), 450–500 гг.;
 2. Обоймица пряжки из Окер (Норвегия), около 600 г.;
 3. Деталь "франкской шкатулки" из Нортумберленда (Англия), 700–725 гг.;
 4. Наконечник ножен меча из франкского погр. № 43 могильника Крефельд-Геллеп (Германия), 450–500 гг.;
 5. Навершие меча из Лауфен, окр. Ротвайль (Германия), 650–700 гг.;
 6. Стержень из кладки кузнечных инструментов в Ст.Ладого (Россия), ок. 750 г.;
 7. Деталь орнамента круглой фибулы из Мортен (о. Готланд), IX в.;
 8. Навершие меча из погребения в Парско, Гданьское воев. (Польша), 1000–1025 гг.;
 9. Подвеска из кладки в Александрехе, окр. Прецлау (Германия), 996–1000 гг.;
 10. Навершие и рукоять меча из Елиставы, Черниговская обл. (Украина), 1000–1025 гг.;
 11. Наконечник ножен меча из "Игоревой могилы", Коростень, Киевская обл. (Украина), 945 г.;
 12. Наконечник ножен меча из поселения Лютчей Нимшютц, окр. Баутцен (Германия), X в.;
 13. Наконечник ножен меча из погребения в некрополе Херсонеса (Украина), 988 г.;
- / 1, 4–6, 11–13 – бронза, 2 – позолоченное и чернёное серебро с гранатовыми вставками, 3 – моржовый клык, 7 – золото, 9 – серебро, 8, 10 – железо с плакировкой серебром/.

Рис. 2. Реплики схемы "Один и вороны" в декоративном искусстве балтов и инно-угров IX–XI вв.:

1. Кресало из Мало-Аниковского могильника, дерховья р. Камы, IX в.;
2. Обоймица стремени из погр. № 1 могильника Ирзекапинис, Калининградская обл., 1000–1025 гг.;
3. Цепедержатель из кург. № 6 могильника Засерье, вхисе Приладожье, X в.;
4. Накладка из погр. № 16 могильника Ирзекапинис, 1025–1050 гг.;
5. Наконечник ножен меча из погр. № 117 могильника Ирзекапинис, 925–950 гг.;
6. Наконечник ножен меча из погр. № 94 могильника Жасинас, Литва (аналогичный – в погр. № 62 того же могильника), 950–975 гг.

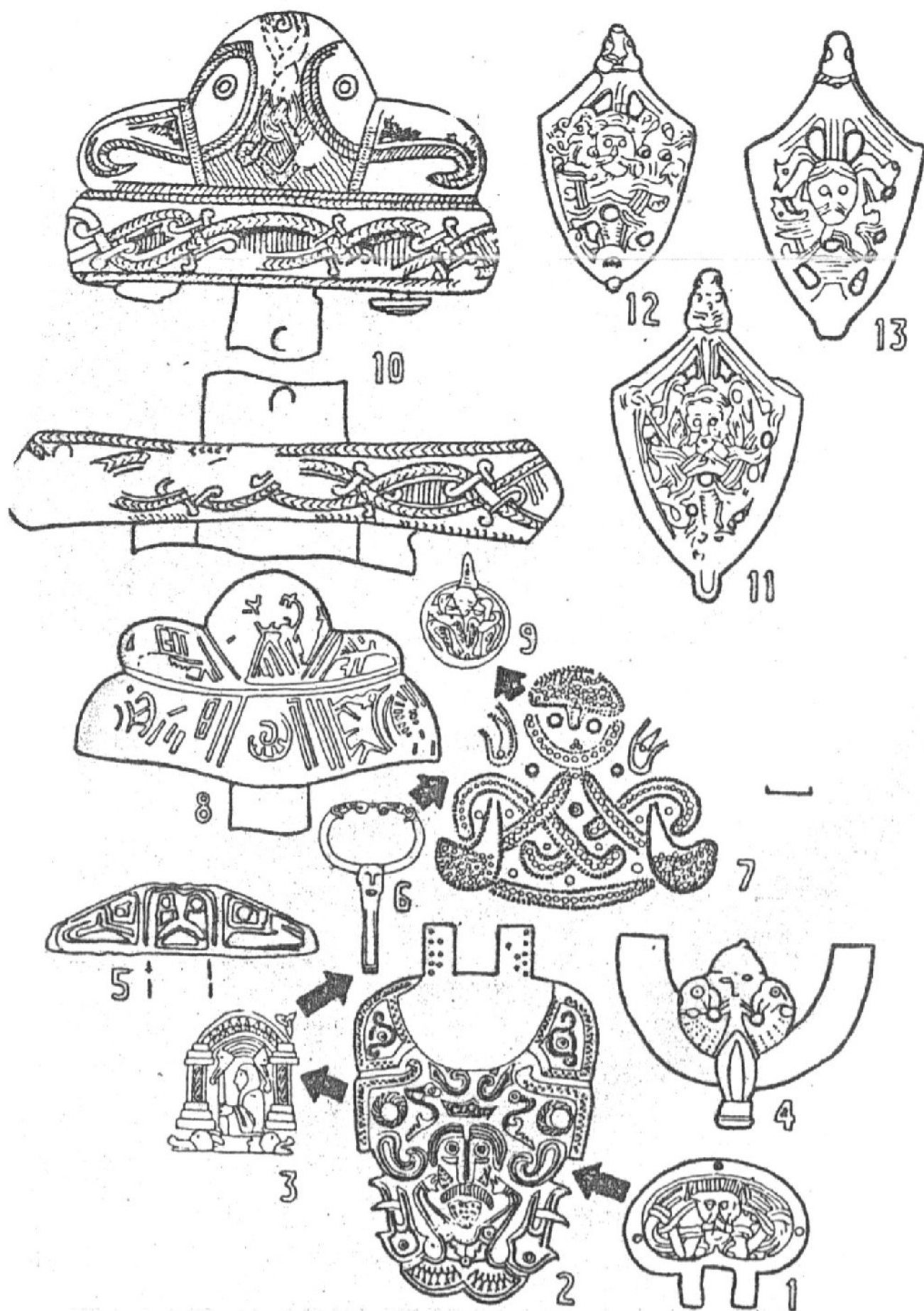

Рис. I.

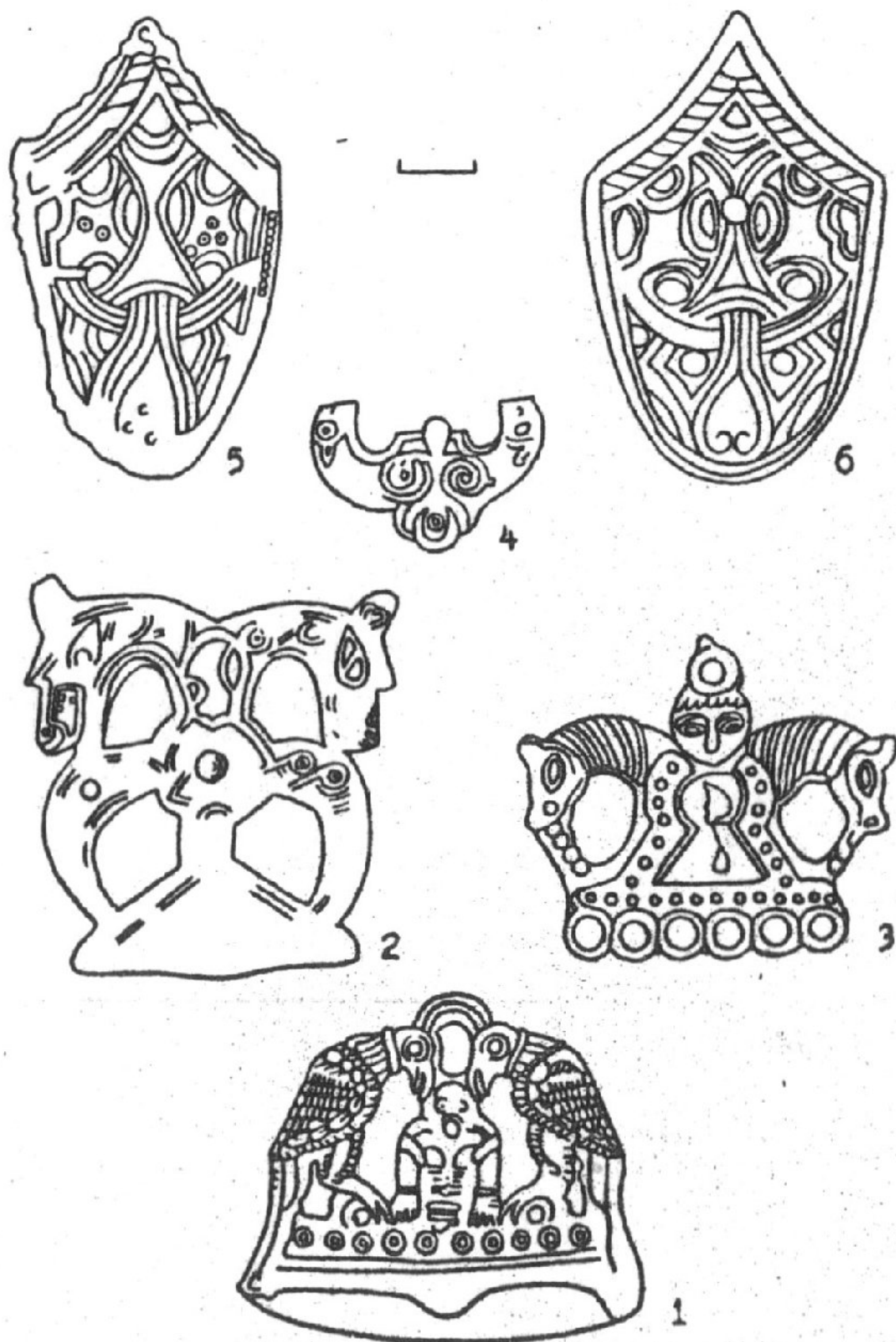

Рис. 2. 1 - бронза, железо, 2 - железо, плакированное серебром, 3-6 - бронза.